Федор Михайлович Достоевский

Слабое сердце

Федор Михайлович Достоевский
Слабое сердце

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172562
Записки из подполья: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-14857-4

Аннотация

«Под одной кровлей, в одной квартире, в одном четвертом этаже жили два молодые сослуживца, Аркадий Иванович Нефедевич и Вася Шумков… Автор, конечно, чувствует необходимость объяснить читателю, почему один герой назван полным, а другой уменьшительным именем, хоть бы, например, для того только, чтоб не сочли такой способ выражения неприличным и отчасти фамильярным. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и описать и чин, и лета, и звание, и должность, и, наконец, даже характеры действующих лиц; а так как много таких писателей, которые именно так начинают, то автор предлагаемой повести, единственно для того, чтоб не походить на них (то есть, как скажут, может быть, некоторые, вследствие неограниченного своего самолюбия), решается начать прямо с действия. Кончив такое предисловие, он начинает…»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 21

Федор Михайлович Достоевский
Слабое сердце

Под одной кровлей, в одной квартире, в одном четвертом этаже жили два молодые сослуживца, Аркадий Иванович Нефедевич и Вася Шумков… Автор, конечно, чувствует необходимость объяснить читателю, почему один герой назван полным, а другой уменьшительным именем, хоть бы, например, для того только, чтоб не сочли такой способ выражения неприличным и отчасти фамильярным. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и описать и чин, и лета, и звание, и должность, и, наконец, даже характеры действующих лиц; а так как много таких писателей, которые именно так начинают, то автор предлагаемой повести, единственно для того, чтоб не походить на них (то есть, как скажут, может быть, некоторые, вследствие неограниченного своего самолюбия), решается начать прямо с действия. Кончив такое предисловие, он начинает.

Вечером, накануне Нового года, часу в шестом, Шумков воротился домой. Аркадий Иванович, который лежал на кровати, проснулся и вполглаза посмотрел на своего приятеля. Он увидал, что тот был в своей превосходнейшей партикулярной паре и в чистейшей манишке. Это, разумеется,

его поразило. «Куда бы ходить таким образом Васе? да и не обедал он дома!» Шумков между тем зажег свечку, и Аркадий Иванович немедленно догадался, что приятель собирается разбудить его нечаянным образом. Действительно, Вася два раза кашлянул, два раза прошелся по комнате и, наконец, совершенно нечаянно выпустил из рук трубку, которую было стал набивать в уголку, возле печки. Аркадия Ивановича взял смех про себя.

– Вася, полно хитрить! – сказал он.

– Аркаша, не спишь?

– Право, наверно не могу сказать; кажется мне, что не сплю.

– Ах, Аркаша! здравствуй, голубчик! Ну, брат! ну, брат!.. Ты не знаешь, что я скажу тебе!

– Решительно не знаю; подойди-ка сюда.

Вася, как будто ждал того, немедленно подошел, никак не ожидая, впрочем, коварства от Аркадия Ивановича. Тот как-то преловко схватил его за руки, повернул, подвернул под себя и начал, как говорится, «душить» жертвочку, что, казалось, доставляло неимоверное удовольствие веселому Аркадию Ивановичу.

– Попался! – закричал он. – Попался!

– Аркаша, Аркаша, что ты делаешь? Пусти, ради бога, пусти, я фрак замараю!..

– Нужды нет; зачем тебе фрак? зачем ты такой легковерный, что сам в руки даешься? Говори, куда ты ходил, где обе-

дал?

– Аркаша, ради бога, пусти!

– Где обедал?

– Да про это-то я и хочу рассказать.

– Так рассказывай.

– Да ты прежде пусти.

– Так вот нет же, не пущу, пока не расскажешь!

– Аркаша, Аркаша! да понимаешь ли ты, что ведь нельзя, никак невозможно! – кричал слабосильный Вася, выбиваясь из крепких лап своего неприятеля. – Ведь есть такие материи!..

– Какие материи?..

– Да такие, что вот о которых начнешь рассказывать в таком положении, так теряешь достоинство; никак нельзя; выйдет смешно – а тут дело совсем не смешное, а важное.

– И ну его, к важному! вот еще выдумал! Ты мне рассказывай так, чтоб я смеяться хотел, вот как рассказывай; а важного я не хочу; а то какой же ты будешь приятель? вот ты мне скажи, какой же ты будешь приятель! а?

– Аркаша, ей-богу, нельзя!

– И слышать не хочу…

– Ну, Аркаша! – начал Вася, лежа поперек кровати и стараясь всеми силами придать как можно более важности словам своим. – Аркаша! я, пожалуй, скажу; только…

– Ну что!..

– Ну, я помолвил жениться!

Аркадий Иванович, не говоря более праздного слова, взял молча Васю на руки, как ребенка, несмотря на то что Вася был не совсем коротенький, но довольно длинный, только худой, и преловко начал его носить из угла в угол по комнате, показывая вид, что его убаюкивает.

– А вот я тебя, жених, спеленаю, – приговаривал он. Но, увидя, что Вася лежит на его руках, не шелохнется и не говорит более ни слова, тотчас одумался и взял в соображение, что шутки, видно, далеко зашли; он поставил его среди комнаты и самым искренним, дружеским образом облобызал его в щеку.

– Вася, не сердишься?..

– Аркаша, послушай…

– Ну, для Нового года.

– Да я-то ничего; да зачем же ты сам такой сумасшедший, повеса такой? Сколько я раз тебе говорил: Аркаша, ей-богу не остро, совсем не остро!

– Ну, да не сердишься?

– Да я ничего; на кого я сержусь когда! Да ты меня огорчил, понимаешь ли ты!

– Да как огорчил? каким образом?

– Я шел к тебе как к другу, с полным сердцем, излить перед тобой свою душу, рассказать тебе мое счастие…

– Да какое же счастие? что ж ты не говоришь?

– Ну, да я женюсь-то! – отвечал с досадою Вася, потому что действительно немного был взбешен.

– Ты! ты женишься! так и вправду? – закричал благим матом Аркаша. – Нет, нет… да что ж это? и говорит так, и слезы текут!.. Вася, Васюк ты мой, сыночек мой, полно! Да вправду, что ль? – И Аркадий Иванович бросился к нему снова с объятиями.

– Ну, понимаешь, из-за чего теперь вышло? – сказал Вася. – Ведь ты добрый, ты друг, я это знаю. Я иду к тебе с такою радостью, с восторгом душевным, и вдруг всю радость сердца, весь этот восторг я должен был открыть, барахтаясь поперек кровати, теряя достоинство… Ты понимаешь, Аркаша, – продолжал Вася, полусмеясь, – ведь это было в комическом виде: ну, а я некоторым образом не принадлежал себе в эту минуту. Я же не мог унижать этого дела… Вот еще б ты спросил меня: как зовут? Вот, клянусь, скорей убил бы меня, а я бы тебе не ответил.

– Да, Вася, что же ты молчал! да ты бы мне все раньше сказал, я бы и не стал шалить, – закричал Аркадий Иванович в истинном отчаянии.

– Ну, полно же, полно! я ведь так это… Ведь ты знаешь, отчего это все, – оттого, что у меня доброе сердце. Вот мне и досадно, что я не мог сказать тебе, как хотел, обрадовать, принесть удовольствие, рассказать хорошо, прилично посвятить тебя… Право, Аркаша, я тебя так люблю, что, не будь тебя, я бы, мне кажется, и не женился, да и не жил бы на свете совсем!

Аркадий Иванович, который необыкновенно был чув-

ствителен, и смеялся, и плакал, слушая Васю. Вася тоже. Оба снова бросились в объятия и позабыли о бывшем.

– Как же, как же это? расскажи мне все, Вася! Я, брат, извини меня, я поражен, совсем поражен; вот точно громом сразило, ей-богу! Да нет же, брат, нет, ты выдумал, ей-богу выдумал, ты наврал! – закричал Аркадий Иванович и даже с неподдельным сомнением взглянул в лицо Васи, но, видя в нем блестящее подтверждение непременного намерения жениться как можно скорее, бросился в постель и начал кувыркаться в ней от восторга, так что стены дрожали.

– Вася, садись сюда! – закричал он, усевшись, наконец, на кровати.

– Уж я, братец, право, не знаю, как и начать, с чего!

Оба в радостном волнении смотрели друг на друга.

– Кто она, Вася?

– Артемьевы!.. – произнес Вася расслабленным от счастия голосом.

– Нет?

– Ну, да я тебе уши прожужжал об них, потом замолк, а ты ничего и не приметил. Ах, Аркаша, чего стоило мне скрывать от тебя; да боялся, боялся говорить! Думал, что все расстроится, а я ведь влюблен, Аркаша! Боже мой, боже мой! Видишь ли, вот какая история, – начал он, беспрерывно останавливаясь от волнения, – у ней был жених, еще год назад, да вдруг его командировали куда-то; я и знал его – такой, право, бог с ним! Ну, вот, он и не пишет совсем, запал.

Ждут, ждут; что бы это значило?.. Вдруг он, четыре месяца назад, приезжает женатый и к ним ни ногой. Грубо! подло! да за них заступиться некому. Плакала, плакала она, бедная, а я и влюбись в нее… да я и давно, всегда был влюблен! Вот стал утешать, ходил, ходил… ну, и я, право, не знаю, как это все произошло, только и она меня полюбила; неделю назад я не выдержал, заплакал, зарыдал и сказал ей все – ну! что люблю ее, – одним словом, все!.. «Я вас сама любить готова, Василий Петрович, да я бедная девушка, не насмейтесь надо мной; я и любить-то никого не смею». Ну, брат, понимаешь! понимаешь?.. Мы тут с ней на слове и помолвились; я думал-думал, думал-думал; говорю: как сказать маменьке? Она говорит: трудно, подождите немножко; она боится; теперь еще, пожалуй, не отдаст меня вам; сама плачет. Я, ей не сказавшись, бряк старухе сегодня. Лизанька перед ней на колени, я тоже… ну, и благословила. Аркаша, Аркаша! голубчик ты мой! будем жить вместе. Нет! я с тобой ни за что не расстанусь.

– Вася, как я ни смотрю на тебя, а не верю, ей-богу, как-то не верю, клянусь тебе. Право, мне все что-то кажется… Послушай, как же это ты женишься?.. Как же я не знал, а? Право, Вася, я, уже признаюсь тебе, я сам, брат, думал жениться; а уж как теперь ты женишься, так уж все равно! Ну, будь счастлив, будь счастлив!..

– Брат, теперь так сладко в сердце, так легко на душе… – сказал Вася, вставая и шагая в волнении по комнате. – Не

правда ли, не правда ли? ведь ты чувствуешь тоже? Мы будем жить бедно, конечно, но счастливы будем; и ведь это не химера; наше счастье-то ведь не из книжки сказано: ведь это на деле счастливы мы будем!..

– Вася, Вася, послушай!

– Что? – сказал Вася, остановясь перед Аркадием Ивановичем.

– Мне пришла мысль; право, я как-то боюсь и сказать тебе!.. Ты прости меня, ты разреши мои сомнения. Чем же ты жить будешь? Я, знаешь, я в восторге, что ты женишься, конечно, в восторге, и владеть собой не могу, но – чем ты жить будешь? а?

– Ах, боже, боже мой! какой ты, Аркаша! – сказал Вася, в глубоком удивлении смотря на Нефедевича. – Да что ты в самом деле? Даже старуха и та двух минут не подумала, когда я ей представил все ясно. Ты спроси, чем они жили? Ведь пятьсот рублей в год на троих: ведь всего-то пенсиону после покойника столько. Жила она, да старуха, да еще братишка, за которого в школу платят из тех же денег, – ведь вот как живут! Ведь это только мы капиталисты с тобой! А у меня, поди-ка ты, в иной год, в хороший, даже семьсот наберется.

– Послушай, Вася; ты меня извини; я, ей-богу, я так ведь, я все только думаю, как бы это не расстроить – каких же семьсот? только триста…

– Триста!.. А Юлиан Мастакович? забыл?

– Юлиан Мастакович! да ведь это дело, братец, неверное;

это не то что триста рублей верного жалованья, где всякий рубль как друг неизменный. Юлиан Мастакович, конечно, ну, даже великий он человек, я его уважаю, понимаю его, даром что он так высоко стоит, и, ей-богу, люблю его, потому что он тебя любит и тебе за работу дарит, тогда как мог бы не платить, а командировать себе прямо чиновника, но ведь согласись сам, Вася… Послушай еще: я ведь не вздор говорю; я согласен, во всем Петербурге не найдешь такого почерка, как твой почерк, я готов тебе уступить, – не без восторга заключил Нефедевич, – но вдруг, боже сохрани! ты не понравишься, вдруг ты не угодишь ему, вдруг у него дела прекратятся, вдруг он другого возьмет – ну, да, наконец, мало ли что может случиться! Ведь Юлиан-то Мастакович был да сплыл, Вася…

– Послушай, Аркаша, ведь этак, пожалуй, над нами сейчас потолок провалится…

– Ну, конечно, конечно… я ведь ничего…

– Нет, послушай меня, ты выслушай – видишь что: каким он образом может со мною расстаться… Нет, ты только выслушай, выслушай. Ведь я все исполняю рачительно; ведь он такой добрый, ведь он мне, Аркаша, ведь он мне сегодня дал пятьдесят рублей серебром!

– Неужели, Вася? так тебе награждение?

– Какое награждение! из своего кармана. Говорит: уж ты, брат, пятый месяц денег не получал; хочешь, возьми; спасибо, говорит, тебе, спасибо, доволен… ей-богу! не даром же

ты мне, говорит, работаешь – право! так и сказал. У меня слезы полились, Аркаша. Господи боже!

– Послушай, Вася, а ты дописал те бумаги?..

– Нет… еще не дописал.

– Ва…синька! ангел мой! что ты сделал?

– Послушай, Аркадий, ничего, еще два дня сроку, успею…

– Как же ты это так не писал?..

– Ну, вот, ну, вот! ты с таким убитым видом смотришь, что у меня вся внутренность ворочается, сердце болит! Ну, что ж? ты меня всегда этак убиваешь! Так и закричит: а-а-а!!! Да ты рассуждай; ну, что ж такое? ну, кончу, ей-богу кончу…

– Что, если не кончишь? – закричал Аркадий, вскочив. – А он же тебе сегодня дал награждение! Ты же тут женишься… Ай-ай-ай!..

– Ничего, ничего, – закричал Шумков, – я сейчас же и сажусь, сию минуту сажусь; ничего!

– Как это ты манкировал, Васютка?

– Ах, Аркаша! ну, мог ли я усидеть? такой ли я был? Да я в канцелярии-то едва сидел; ведь я сердца сносить не мог… Ах! ах! теперь ночь просижу, и завтра ночь просижу, да послезавтра еще, и – докончу!..

– Много осталось?

– Не мешай, ради бога, не мешай, замолчи…

Аркадий Иванович на цыпочках подошел к кровати и уселся; потом вдруг хотел было встать, но потом опять при-

нужден был сесть, впомнив, что помешать может, хотя и сидеть не мог от волнения: видно было, что его совсем перевернуло известие, и первый восторг еще не успел выкипеть в нем. Он взглянул на Шумкова, тот взглянул на него, улыбнулся, погрозил ему пальцем и потом, страшно нахмурив брови (как будто в этом заключалась вся сила и весь успех работы), уставился глазами в бумаги.

Казалось, и он тоже еще не пересилил своего волнения, переменял перья, вертелся на стуле, пристроивался, опять принимался писать, но рука его дрожала и отказывалась двигаться.

– Аркаша! Я им говорил об тебе, – закричал он вдруг, как будто только что вспомнил.

– Да? – закричал Аркадий. – А я только спросить хотел; ну!

– Ну! ах да, я тебе после все расскажу! Вот, ей-богу, сам виноват, а совсем из ума вышло, что не хотел ничего говорить, покамест не напишу четырех листов; да вспомнил про тебя и про них. Я, брат, и писать как-то не могу: все об вас вспоминаю… – Вася улыбнулся.

Настало молчание.

– Фу! какое скверное перо! – закричал Шумков, ударив в досаде им по столу. Он взялся за другое.

– Вася! послушай! одно слово…

– Ну! поскорей и в последний раз.

– Много тебе осталось?

– Ах, брат!.. – Вася так поморщился, как будто ничего в свете не было ужаснее и убийственнее такого вопроса. – Много, ужасно много!

– Знаешь, у меня была идея…

– Что?

– Да нет, уж нет, пиши.

– Ну, что? что?

– Теперь седьмой час, Васюк!

Тут Нефедевич улыбнулся и плутовски подмигнул Васе, но, однако ж, все-таки несколько с робостию, не зная, как примет он это.

– Ну, что ж? – сказал Вася, бросив совсем писать, смотря ему прямо в глаза и даже побледнев от ожидания.

– Знаешь что?

– Ради бога, что?

– Знаешь что? Ты взволнован, ты много не наработаешь… Постой, постой, постой, постой – вижу, вижу – слушай! – заговорил Нефедевич, вскочив в восторге с постели и прерывая заговорившего Васю, всеми силами отстраняя возражения. – Прежде всего нужно успокоиться, нужно с духом собраться, так ли?

– Аркаша! Аркаша! – закричал Вася, вскочив с кресел. – Я просижу всю ночь, ей-богу просижу!

– Ну, да, да! Ты к утру только заснешь…

– Не засну, ни за что не засну…

– Нет, нельзя, нельзя; конечно, заснешь, в пять часов за-

сни. В восемь я тебя бужу. Завтра праздник; ты садишься и строчишь целый день… Потом ночь и – да много ль осталось тебе?..

– Да вот, вот!..

Вася, дрожа от восторга и от ожидания, показал тетрадку.

– Вот!..

– Послушай, брат, ведь это немного…

– Дорогой мой, – еще там есть, – сказал Вася, робко-робко смотря на Нефедевича, как будто от него зависело разрешение, идти или нет.

– Сколько?

– Два… листочка…

– Ну, что ж? ну, послушай! Ведь кончить успеем, ей-богу успеем!

– Аркаша!

– Вася! послушай! Теперь под Новый год все по семействам собираются, мы с тобой только бездомные, сирые… У! Васенька!..

Нефедевич облапил Васю и стиснул в своих львиных объятиях.

– Аркадий, решено!

– Васюк, я только об этом сказать хотел. Видишь, Васюк, косолапый ты мой! слушай! слушай! ведь…

Аркадий остановился с открытым ртом, потому что не мог говорить от восторга. Вася держал его за плечи, глядел ему во все глаза и так двигал губами, как будто сам хотел дого-

ворить за него.

– Ну! – проговорил он наконец.

– Представь им сегодня меня!

– Аркадий! идем туда чай пить! Знаешь что? знаешь что? Даже до Нового года не досидим, раньше уйдем, – закричал Вася в истинном вдохновенье.

– То есть два часа, ни больше ни меньше!..

– И потом разлука до тех пор, пока не докончу!..

– Васюк!..

– Аркадий!

В три минуты Аркадий был по-парадному. Вася только почистился, затем что и не снимал своей пары: с таким рвением присел он за дело.

Они поспешно вышли на улицу, один радостнее другого. Путь лежал с Петербургской стороны в Коломну. Аркадий Иванович отмеривал шаги бодро и энергично, так что по одной походке его уже можно было видеть всю его радость о благополучии все более и более счастливого Васи. Вася семенил более мелким шажком, но не теряя достоинства. Напротив, Аркадий Иванович еще никогда не видал его в более выгодном для него свете. Он в эту минуту даже как-то более уважал его, и известный телесный недостаток Васи, о котором до сих пор еще не знает читатель (Вася был немного кривобок), вызывавший всегда глубоко любящее чувство сострадания в добром сердце Аркадия Ивановича, теперь еще более способствовал к глубокому умилению, которое осо-

бенно питал к нему друг его в эту минуту и которого Вася, уж разумеется, всячески был достоин. Аркадию Ивановичу даже хотелось заплакать от счастия; но он удержался.

– Куда, куда, Вася? здесь ближе пройдем! – вскричал он, видя, что Вася норовит повернуть к Вознесенскому.

– Молчи, Аркаша, молчи…

– Право, ближе, Вася.

– Аркаша! знаешь ли что? – начал Вася таинственно, замирающим от радости голосом. – Знаешь ли что? Мне хочется принести подарочек Лизаньке…

– Что ж такое?

– Здесь, брат, на углу мадам Леру, чудесный магазин!

– А, ну!

– Чепчик, душечка, чепчик; сегодня я видел такой чепчоночек миленький; я спрашивал: фасон, говорят, Manon Lescaut[1] называется – чудо! ленты серизовые,[2] и если недорого… Аркаша, да хоть бы и дорого!..

– Ты, по-моему, выше всех поэтов, Вася! идем!..

Они побежали и через две минуты вошли в магазин. Их встретила черноглазая француженка в локонах, которая тотчас же, при первом взгляде на своих покупателей, сделалась так же весела и счастлива, как они сами, даже счастливее, если можно сказать. Вася готов был расцеловать мадам Леру от восторга.

---

[1] Манон Леско *(франц.)*.

[2] *Серизовые* (*франц.* cerise) – вишневые.

– Аркаша! – сказал он вполголоса, бросив обыкновенный взгляд на все прекрасное и великое, стоявшее на деревянных столбиках на огромном столе магазина. – Чудеса! Что это такое? что это? Вот этот, например, бонбончик,[3] видишь? – прошептал Вася, показывая один миленький крайний чепчик, но вовсе не тот, который купить хотел, потому что уже издалека нагляделся и впился глазами в другой, знаменитый, настоящий, стоявший на противоположном конце. Он так смотрел на него, что можно было подумать, будто его кто-нибудь возьмет да украдет или будто сам чепчик, именно для того, чтоб не доставаться Васе, улетит с своего места на воздух.

– Вот, – сказал Аркадий Иванович, указав на один, – вот, по-моему, лучший.

– Ну, Аркаша! это даже делает честь тебе; я тебя, право, особенно уважать начинаю за вкус, – сказал Вася, плутовски схитрив в умилении своего сердца пред Аркашей, – прелесть твой чепчик, но поди-ка сюда!

– Где же, брат, лучше?

– Смотри-ка сюда!

– Этот? – сказал Аркадий с сомнением.

Но когда Вася, не в силах более выдержать, сорвал его с деревяшки, с которой он, казалось, вдруг слетел самовольно, как будто обрадовавшись такому хорошему покупщику после долгого ожидания, когда захрустели все его ленточки,

---

[3] Бонбончик (*франц.* bonbon) – конфетка.

рюши и кружева, неожиданный крик восторга вырвался из мощной груди Аркадия Ивановича. Даже мадам Леру, наблюдавшая все свое несомненное достоинство и преимущество в деле вкуса во все время выбора и только молчавшая из снисхождения, наградила Васю полною улыбкою одобрения, так что все в ней, во взгляде, в жесте и в этой улыбке разом проговорило – да! вы угадали и достойны счастия, которое вас ожидает.

– Ведь кокетничал, кокетничал в уединении! – закричал Вася, перенеся всю любовь свою на миленький чепчик. – Нарочно прятался, плутишка, голубчик мой! – И он поцеловал его, то есть воздух, который его окружал, потому что боялся дотронуться до своей драгоценности.

– Так скрывает себя истинная заслуга и добродетель, – прибавил Аркадий в восторге, для юмора прибрав фразу из одной остроумной газеты, которую читал поутру. – Ну, Вася, что же?

– Виват, Аркаша! да ты и остришь сегодня, ты сделаешь *фурор,* как они говорят, между женщинами, предрекаю тебе. Мадам Леру, мадам Леру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.